

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Мироздание. Сознание. Познание

ЧЕЛОВЕК В ПОЗНАНИИ (гуманитарная специфика)

Я пытаюсь, исследуя и познавая,
освободить себя от своего мира,
чтобы найти мир вообще.

Карл Ясперс

А.Е. РАЗУМОВ

В статье пойдет речь о разуме и вере человека, о его рациональных началах и о том, что выходит за пределы рационального в область недоказуемого. Автор станет размышлять о разных путях поиска истины и о факторах, направляющих этот поиск. О том, что составляет гуманитарную природу и специфику познания.

Предлагаю читателю (точнее, собеседнику) начать разговор на заявленную тему с предела того, чему мы можем приписать существование, с идеи Абсолюта, поскольку в ней, как ни в какой иной, объединились в одну идеологию вера и стремление ума аргументированно обосновать и понять, в чем заключается смысл веры (бл. Августин, Фома Аквинский). Вряд ли в обозримое время люди откажутся от надежды и веры в обещанную религией возможность продлить собственное существование за пределы мира болезней, скорбей и смерти близких, перейдя в идеальный мир вечного блаженства и единения с теми, кто дорог. Поэтому нам известна не чистая, незамутненная идея духовного Абсолюта. Он предмет познания, заинтересованного внимания и толкований, нагружен определенной гуманитарной спецификой.

«Все, что я говорю о Боге, я говорю, как человек», – считал необходимым подчеркнуть о. Тейяр де Шарден. Действительно, о Боге, т.е. о предельном, творящем, свободном и любящем, о том, чья «сущность совпадает с существованием» (Спиноза) люди наговорили много благодарного и возвышенного на языках архитектуры, музыки и красок, а также на языке слов и понятий. Но на этом пути сотворения и освоения идей и идеалов мы говорим на собственном человеческом языке, невзирая даже на явленные нам примеры откровений и само Слово Бога, вернее, на Его многословие, если принять во внимание все мировые и иные религии, поэтому наши мысли производят не только идеалы, но и идолов. Причем, как в недавно ушедшем столетии, идолов мирового масштаба. Может быть, не до конца ушедшем столетии.

Напомню, что Бог и вера православная играют существенную роль в появлении, становлении и оформлении Древней Руси, начиная с Андрея Первозванного и его призывов к «вере и верности», с иноков-первопроходцев, несших православие по путям вдоль Днепра, Северского Донца, Ловати и Волхова. Текли столетия. Над Русью, затем над Россией проплывали княжества, царства, империи. Волны эволюции несли новое познание, новое самосознание народа, новые заблуждения, меняли его историческую память. Случались преходящие кризисы власти, государства; кризисы веры в Спасителя, в Христа и христианство. Оставалось сознание державной правоты России и стремление нести народам истины собственной веры: «Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их», если повторить слова прокимна праздника Святой Троицы. Нести, заметим, не обязательно истины религиозной веры, но и вполне светские «глаголы» идеологических убеждений. Сегодня «державность» пытается разодрать разного рода сепаратизм — национальный, религиозный, территориальный.

От роли религии и Бога в истории страны надо переходить к гуманитарной специфике познания природы и ее произведений, к специфике, включающей, возможно, и познание идеального, объективного, надприродного, о чем толкуют некоторые ученые. Конечно, эта специфика не сводится только к взаимосвязи разума и веры, она и во многом другом, о чем придется говорить ниже, но отмеченная взаимосвязь весьма любопытна и меняет исторические формы, и об этом также пойдет речь в дальнейшем. Итак, начнем с природы.

Эволюция рациональности в познании

Все, что я говорю о природе, я говорю как человек. По другому я разговаривать не умею, но если проблемы с Богом остались для моего ума не вполне проясненными, что совсем не удивительно, то откуда берется убеждение, что уму человеческому подвластны все тайны природы, все ее самое сокровенное? Полагаю, что от веры в гармонию (может быть, в целесообразную гармонию?) существующего, а также в способность эту гармонию понять и обосновать. Еще сравнительно недавно научная и философская мысль пребывала в уверенности, что «классических» форм рациональности, восходящих к учениям греков, к эллинизму, осиянных гением Галилея, Ньютона и иных, вполне достаточно для проникновения в любые тайны природы. Хотя наука знала примеры совмещения с мистикой или алхимией, классический метод, казалось, исключал субъективность и человека из результатов познания. Опора на практику, опыт, эксперимент, выдающиеся достижения науки и техники не оставляли места сомнениям в правоте методологии. А те споры, что иногда случались, можно было отнести скорее к области чисто философских изысков. Пока не случился XX век, со своей гуманитарной спецификой, куда нам придется основательно погрузиться. Двадцатое столетие выявило много новых, на мой взгляд, не до конца еще осознанных проблем глобального масштаба, а среди них — внесение человеческого измерения в процесс поиска истины.

Начало и середина века, период между двумя мировыми войнами — это время весьма интенсивной духовной жизни в области самых разных наук.

Вселенная перестала быть стационарной и вечной. Космология взорвалась рождением пространства, времени, вещества из одной энергетической точки. Здесь до сей поры много спорного и есть место для фантазий. Еще до этого в области физики теоретические построения Эйнштейна, затем теория квантов предполагают пересмотр ряда фундаментальных понятий теории познания и обращение к иной рациональности, к неорационализму. Квантовая механика заявляет о невозможности исключить наблюдателя из процесса измерения. Зашатался, подвергся сомнению, восходящий к Аристотелю принцип, согласно которому одинаковые причины порождают одинаковые следствия. Субатомный квантовый мир поражает воображение причудливым танцем частиц, где каждая может пребывать в двух местах одновременно, внезапно появляясь из пустоты и тут же исчезая, что также противоречит заветам античности. Выяснилось, что квантовомеханические явления подчиняются законам вероятностей.

Сегодня мы имеем теорию суперструн, утверждающую, что на размерностях меньше квантовых существуют колебания неких струн, которые тем или иным видом вибрации определяют появление электрона и сотен субатомных частиц, обнаруженных при помощи ускорителя¹. Однако эти струны могут колебаться только в пространстве-времени не более десяти измерений. Для других, больших измерений, утверждают ученые, разваливается математический аппарат. Значит, ряд размерностей должен быть каким-то образом свернут. На этом странности теории не кончаются. Теория (в нескольких версиях) предсказывает существование многих вселенных — многих триллионов параллельных вселенных, каждая из которых вполне согласуется с квантовой механикой и теорией гравитации. Замечу, что для существования многих вселенных мы пока не знаем иных оснований, кроме воображения и веры в смыслообразующую способность математики. Далее утверждается еще много чрезвычайно интересного, что, правда, не вполне совместимо с классическим научным рационализмом прежних веков, зато вполне согласуется с извечной гуманитарной привычкой сознавать себя пребывающим на вершине истины. Если при этом отсутствуют претензии на обладание абсолютной истиной, то это не плохо, вероятно. Настораживает то, что умственная, весьма остроумная, но пока еще гипотетическая конструкция, иногда представляется завершающей «теорией всего», так что, исполняя мечту Эйнштейна, физики узнают «о чем думает Бог».

В силу успехов и радикального обновления теоретической физики, а также ее роли в успехах научно-технического прогресса, исследователи и историки науки стали говорить о «веке физики». В качестве наблюдателя я бы «век физики» назвал, скорее, веком синтетических знаний или истин, полученных благодаря взаимопроникновению и синтезу наук. Как это имело место в биологии, когда в 1960 — 70-е гг. для стимулирования ее роста специально создавались физико-химические биологические цен-

тры, где изучались физико-химические основы жизни на молекулярном уровне. Основы белково-нуклеиновой жизни.

За сотню лет биология преодолела дистанцию от законов наследования Менделя и общей генетики, затем геномики (изучению геномов отдельных организмов), до генома человека и глубже. Российский проект «Геном человека» организовал и был первым его руководителем биохимик, академик А.А. Баев. Замечу, что серьезную научную и политическую поддержку проекту оказал академик Иван Тимофеевич Фролов, входивший тогда в состав руководства страной. Чтобы не отстать от США, проект получил целевое финансирование. Огромный путь пройден биологией человека. Сегодня она понимается как фрагмент вселенской, мировой эволюции в целом, но меня сейчас интересует то, как пройденное повлияло на наше понимание мышления.

Восхищаясь творениями коллективного разума, вроде проникновения в тайны Космоса или чудесами медицины, следует помнить и о его провалах. Забывать о них не гуманно. В связи с угрожающими заявлениями экологов, с возможностью использовать отравляющие продукты ума, а также энергию термоядерного синтеза, уран и плутоний для разговора, для убеждения «партнера» в собственной правоте — в связи со всеми этими «инновациями» встает вопрос, требующий незамедлительного решения: не ждет ли человечество бесславный конец уже в нынешнем столетии? Возникает вопрос о ценности знаний. Абсолютной и гуманитарной ценности. Все ли нам необходимо знать? Вопрос этот тянется со времен Адама, Евы и Змея, но ныне приобрел новую остроту. Не думаю, что для его решения достаточно будет одного авторитета фундаментальной науки и ее способности рационального решения проблем, хотя без них, разумеется, не обойтись.

Организации в познании

Теперь я хочу перейти еще к одному аспекту гуманитарной специфики познания, а именно, к месту и роли в познании различного рода организаций. Надеюсь, это поможет прояснить кое-что из того, о чем говорилось выше.

«Я» никогда не познаю в одиночку. Вместе со мной по мирам познаний странствуют различные варианты «интерсубъективного», все, что я успел уяснить, ухватить из истории познаний. В моем знании незримо присутствует все человечество, на фоне которого тускло или ярко светится моя персона-физionoмия, не более того. При этом следует отметить ведущую и направляющую роль организаций. Не одной, подчеркнем, а нескольких организаций, конкурирующих за влияние на мою личность, претендующих на главные роли в формировании моего внутреннего мира. Они стремятся задать направление внешнего поиска и рисуют картину мира, где я обретаюсь, т.е. весь мой Космос.

Спасибо организациям (семья, школа, вуз, институты, и сама Академия наук и пр., церковь, государство, политическая партия). Они меня формируют и воспитывают, предоставляя возможность соучастия в поиске истины; могут совершать благие для меня деяния. Например, отметить

почестями и наградами, учеными степенями и званиями. Могут поощрить меня, публикуя предложенную вашему вниманию статью. Так что, с благодарной душой, вслед за Поэтом: «За учителей своих заздравный кубок поднимаю». Можно даже не один, вспомнив о количестве учителей.

Мои восторги несколько умеряет, правда, давняя и новейшая историческая память, каковая свидетельствует, что организации могут при случае не только пришить мою индивидуальность мнением большинства или параграфом устава, но и в пыль растереть мою личность на какой-нибудь скрижали веры. Реакция организаций бывает особенно свирепой, если затронуты ее глубинные интересы, если, допустим, ее собственные «слуги» вдруг начинают отрицать написанное на идеологических знаменах.

«Героический энтузиазм» Джордано Бруно внушил ему (подобно Эпикуру) мысль не ограничивать всемогущество Творца единственным обитаемым человеческим миром. Он посмел усомниться в чудесной уникальности творения и в таинственности Богоявления, предлагая Слову Бога, возлюбленному Сыну Его отправиться с распятием в долгое странствие по обитаемым мирам, искупая первородные грехи обитателей. Либо следовало признать наш мир неудачным исключением из общего правила. В любом случае, это подрывало авторитет церкви, ее претензии на непогрешимость и абсолютную истину, поэтому Бруно был объявлен сатанистом и взошел на костер 17 февраля 1600 г. на площади Цветов в Риме. Взошел, подчиняясь общему правилу, закону тогдашней авторитетной гуманитарной организации. Ничего личного. Бог, или «Монада монад» не посчитал нужным вмешиваться.

Но, может быть, следует проявить уважение к Создателю и не впутывать Его в наши земные дразги, в то, что относится к сугубо человеческой компетенции. Лучше, воспользовавшись дарованной свободой, двигаться одним из путей (авраамическим, индуистским, буддистским, христианским, магометанским и др., путем, например, естественно-научного материализма и неверия в сверхъестественное), понимая, что любой из них следует признать достойным, если он ведет к Богу. Или к лучшему в человеке — это как кому больше нравится. Бертран Рассел предполагал, что «если бы Бог существовал, он не стал бы обижаться на тех, кто сомневается в его существовании». Церковь времен Бруно и Галилея давно ушла в прошлое. В своих лучших проявлениях все приемлемые религии и идеологии едины в своем стремлении различить добро и зло, все зовут к познанию и поискам Истины. Но, это в лучших проявлениях. К сожалению, дело ими не ограничивается. Мы знаем, память хранит не только великую мудрость морали Тибета, мудрость нашего российского Совета муфтиев или красоту медресе в Самарканде, но и взрывы «шахидов», агрессивность талибов, иную религиозную нетерпимость и неизжитые пока войны. Отдельный разговор о нашем недавнем, грозном партийно-государственном материализме и «научном атеизме», который в некоторых своих проявлениях еще хранится, присутствует во многих умах. В моем уме, во всяком случае. Поэтому проблема, мне кажется, нуждается в обсуждении.

Здесь автор обязан, укрепившись духом, бестрепетной рукой прикоснуться к вопросу о власти. Вернее, к вопросу о политической власти и познании, о власти в познании, к тому, каким образом политическая власть влияет на поиски истины и на результаты поисков.

Начну с того, что не всякая власть от Бога, но всякая обязана и желает осуществить контроль над умами. За политическими умонастроениями, прежде всего, но не только за ними. Власть, утратившая эту способность, должна готовиться к тому, что вскоре о ней будут говорить в прошедшем времени. Совсем не хочу сказать, что утрата указанного контроля является главной, тем более единственной причиной социальных потрясений, по той хотя бы причине, что она сама является следствием многих причин. В том числе следствием стремления и «воли к власти» очередных властолюбцев. Она не достаточное, но необходимое условие любой, очередной смены власти, каковая происходит вместе с «перестройкой» в умах. В России, за ничтожный по историческим меркам срок, автор и его современники имели сомнительное удовольствие неоднократно наблюдать этот феномен. Возможно, поэтому Россия является страной непредсказуемого прошлого и крайне революционной памяти. Всякая власть выстраивала историю под себя, ибо историческая память является важнейшим инструментом контроля за состояниями умов, за политическими умонастроениями. Поэтому мы вынуждены постоянно узнавать новые подробности и переоценивать прошедшее.

По аналогии с определениями революций, формы контроля над умами можно обозначить как «наждачные» и «бархатные». Первые, как инструменты власти используют деспотические и волюнтаристские, неправовые режимы, вторые — имеют место там, где демократия и развитое гражданское общество. Примерами первой из названных форм являются упомянутый партийно-государственный материализм и научный атеизм. Вернее, одна из форм материализма и атеизма, получившая своеобразный, жесткий вид, благодаря партийно-государственному контролю.

Неорациональность, как мы помним, связана с присутствием субъекта в познании, а здесь наличествуют организованный коллективный наблюдатель и рекомендации власти, обязательные к исполнению. Такая вот пострациональная гуманитарная специфика. В итоге власть растеряла в глазах подданных многое из того здравого и разумного, что было в тогдашних идеологических построениях, вроде призывов к единому мировому сообществу, построенному на основе равного и взаимовыгодного партнерства, а в перспективе не разделенному государственными границами — утратила авторитет, прекратила контролировать умы и исчезла. И все это, не взирая на заслуги перед индустриализацией, освоение крайнего Севера, победу в тяжелейшей из войн и созданную сверхдержаву; на бесплатные медицину и образование и пр. Можно воспитанием и образованием или идеологией сильно ограничить свободу мышления, но отменить ее вовсе нельзя. Даже в головах населения архипелага ГУЛАГ.

Сегодня мы переживаем и изучаем новую историю, с другими историческими персонажами и другими героями. Погасли былые маяки, изменились цели общества и его ценности. Не всегда в лучшую для по-

знания сторону. В связи с повальной «монетизацией» всего, рынку было поручено руководить всем комплексом познания. При этом авторы проекта не приняли во внимание своеобразие новоявленного российского рынка, который сильно отличался от того, что описан Адамом Смитом, и от того, о каком мечтал Егор Тимурович Гайдар на стажировке в США. Наш рынок сопровождался воровством и хищениями, уголовным контролем, продажностью чиновника и др., сильно отличался вложениями денег в банки «партнеров». В те времена наши банки обналичивали результаты теневой экономики, от чего почему-то не спасали ни внезапно появившиеся олигархи, ни офшорные зоны, ни тогдашнее российское законодательство и принцип «разрешено все, что не запрещено законом». Адам Смит и «Чикагская школа» здесь отдыхают.

Крайне наивно думать, что подобный рынок может всерьез заинтересоваться познанием, что какой-нибудь финансист или предприниматель примется финансировать науку, тем более отвлеченную, фундаментальную науку, скорой прибыли от которой ждать не приходится. С другой стороны, вместе с развалом былой супердержавы, оставшееся российское государство утратило значительную часть прежних амбиций, и ныне государственный служащий занялся более для него важными делами, чем престиж и место ученого в мировом научном сообществе. Всем прекрасно понятно, что сырьевая экономика ведет в исторический тупик, но мы продолжаем поставлять на мировой рынок непереработанные нефть и газ, невзирая на многократные протесты президентов-председателей.

Вовсе не утверждаю, что за нынешней политической властью не числится никаких благих деяний. Мы живем в обществе, где частной инициативы и демократии на душу населения больше, чем во времена ее предшественников, а беспорядка, рыночной анархии меньше, чем во времена интенсивного «бегства умов». Забудем на время о том, что бегство умов на Запад сменилось прибытием большого количества умов из Средней Азии и иных умов из ближнего зарубежья при отсутствии внятной государственной политики на сей счет. У нас теперь есть бизнес-школа в Сколково, построен научный и образовательный центр на острове Русский и более доступны международные контакты ученых. Растет зарплата школьных учителей и есть много хороших обещаний по поводу высшего образования и науки. Но ученым еще предстоит вернуть себе былой моральный авторитет и обрести влияние на политику.

С большими кадровыми и когнитивными потерями науке удалось выжить во времена социальных и культурных потрясений. Выжить и сохранить определенный творческий потенциал. Поэтому хорошо, чтобы власти, прислушавшись к зову очевидного, принялись лучше финансировать науку и образование, хотя финансирование само по себе не решит их многочисленных накопившихся проблем. Научному и педагогическому сообществам пора прекратить демонстративное невмешательство в политику и в дела власти, но, объединившись вокруг идей и идеологий познания и общественного, народного блага, заявить о своих собственных интересах. Но для этого их сначала надо для себя ясно, отчетливо сформулировать. В конце концов, именно здесь залегают корни, из которых

должна произрастать моральная ответственность ученого. И его чувство собственного достоинства. Такой ответственности и такого достоинства, какими обладал Андрей Дмитриевич Сахаров.

Специфика производства смыслов

Заданием и призванием науки является сотворение смыслов, и в этом отношении она ничем не отличается от других способов познания и ориентации в мире. Любой из них полагает необходимым ответить на вопросы: «Кто мы?», «Откуда и как произошли?», «В чем смысл нашего появления в мире?» и «В чем смысл отдельной человеческой жизни?», «На что мы способны?» Мы привязаны к жизни многочисленными нитями смыслов. Смыслы определяют наше место между прошлым и будущим, между тем, чего уже нет и тем, чего еще нет; между памятью и ожидаемым. Смыслы творят и вписывают нас в Историю. Когда на заре времен из недифференцированного сознания стали вычленяться основные парадигмы и человеческий род стал осознавать себя в качестве такового, особым образом упорядоченное мышление обозначило себя производящим смыслы. Производство смыслов происходит не в прозрачной, прямолинейной пустоте, но в искривленном пространстве-времени культур и цивилизаций. Пространство-время культур искривлено силами тяготения, среди которых следует назвать экономику и финансы, национальные, религиозные притяжения и отталкивания, но главным образом, конечно, проникающую в сознание политическую власть. В ряду других феноменов культуры наука менее всего подвержена внешним влияниям, что создает иллюзию ее полной свободы. Разные существуют науки.

Виталий Лазаревич Гинзбург шутил, будто науки бывают «сверхъестественные», «естественные» и «противоестественные». Первые представлены математикой, вторые естествознанием, а противоестественные — это гуманитарные науки и их производное — гуманитарное знание. Отметим, что сам Нобелевский лауреат является автором многих гуманитарных текстов, среди них, посвященных соотношению веры и разума. Например, он участвовал в обсуждении энциклики на эту тему выдающегося мыслителя Папы Иоанна-Павла II. С интересом прочитал его сборник «Об атеизме, религии и светском гуманизме»². Близкий друг В.Л. Гинзбурга, академик Евгений Львович Фейнберг, известный замечательными работами по теоретической физике, написал книгу «Две культуры (интуиция и логика в искусстве и науке)»³, где утверждает, что интуиция лежит в основе признания любого физического закона. Речь идет о том, что закон обязан выполняться всегда, когда существует некий комплекс начальных условий, т.е. потенциально в бесконечном числе случаев. Поскольку же число проверок не может быть бесконечным, на определенном этапе, утверждает автор, следует принять «интуитивное суждение о достаточности опытной проверки». Виталий Лазаревич его цитирует и с ним полностью согласен.

Самое строгое производство смыслов, как мы видим, не свободно от гуманитарных влияний, от гуманитарной специфики. Что касается «сверхъестественных» наук, то они содержат такие наслоения дифферен-

циалов, интегралов, бесконечностей, что признать их совсем свободными от веры рискованно. Словом, важно подчеркнуть синтетический характер мышления, где переплетаются логика и внелогическое, то, что требует доказательства, и недоказуемое.

Конечно, отмеченные трудности существуют главным образом для материалистически ориентированного сознания. Тому же, кто полагает, что все возможные смыслы мира изначально, от века закодированы в структурах мироздания или в уме Создателя, и мы в познании только вскрываем, раскодируем объективно существующие значения, смыслы, идеи, тому то, что является заботой материализма, не создает проблем вовсе. Трудности произрастают на иных проблемных полях. Скажем, весьма авторитетные математики (В.Г. Арнольд) утверждают, что все их коллеги явные или скрытые платоники. Понять это можно, учитывая заслуги Платона, Пифагора, Эвклида и античности в целом перед европейской математикой. Несоизмеримость стороны и диагонали квадрата, иррациональные числа привели к первому кризису в основаниях математики. В диалогах Платона содержится критика пифагорейской школы, заставляя задуматься над вопросами, что есть число и почему «все есть число»? Что такое истина в математике и какова природа математического доказательства?²⁴ Внимание к основаниям математики способствовало появлению математической логики, а также теории множеств, которые позволяют создать модель любого известного раздела математики и, таким образом, объединить разделы в единую систему — вопросы, которые и сегодня не утратили актуальности.

У нас в отечестве явных последователей Платона не очень много, благодаря многолетним рекомендациям властей и пропаганде одного только обязательного образа мысли. Навязанный сверху образ мысли не мог не сдерживать творческую фантазию ученого, не говоря уже о том, что иначекомыслие является условием поиска, хотя не гарантирует результат.

Не хочу, чтобы меня посчитали огульным противником советской власти. Не хочу хотя бы потому, что жил при нескольких, весьма различных «советских властях». Ныне все они ушли в мою, в нашу, в мировую память, не всегда, к сожалению, благодарную память о деяниях. Но в отношении научного материализма власть следовала заветам не только марксизма-ленинизма, но и естествознания. Идеологией она сильно давила на обществознание и «гуманитарную специфику», но и здесь памятны мирового значения имена. Сейчас мне приходят на ум физиолог П.К. Анохин, специалист по психологии социального познания Г.М. Андреева, психологи С. Выготский, А.Н. Леонтьев, историки культуры М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, А.Ф. Лосев, Д.С. Лихачев, литературовед и писатель В.Б. Шкловский, историки М.Я. Гефтер, Н.И. Конрад, Е.В. Тарле. Преимущественное внимание к естествознанию следует объяснять запросами времени, заданиями великого и трагического, весьма непростого, замысловатого века, когда «горячие» войны сменялись холодными, и я, повторяю, не убежден, что век уже завершился. Как известно, календарные и реальные исторические времена не всегда совпадают; события, определяющие лицо столетия, случаются не вместе с его

началом. Анна Ахматова полагала началом века Первую мировую, когда, по словам Альберта Эйнштейна, «в августе 1914 года у Европы был ампутирован головной мозг». Надеемся, что история не повторится дважды, даже в виде фарса, тем более, что в виде трагедии она уже повторилась во Второй мировой и едва навсегда не завершилась во времена Карибского кризиса в октябре 1962 г. История демонстрирует своеволие, не вполне следуя ожиданиям и утверждениям Гегеля. У меня такое впечатление, что мы живем на рубеже времен, на стыке веков, в моменты исторического движения, когда меняются многие социальные и культурные ориентиры и парадигмы.

О сменах парадигм — это непростой разговор, хотя тему трудно назвать новой. В теории познания она стала актуальной со времен появления книги Томаса Куна «Структура научных революций». Работа вызвала интерес, широко обсуждалась и получила признание. Наука, как полагал Кун, развивается в рамках определенных традиций или парадигм (образцов), которые содержат совокупности убеждений, принятых правил поиска истины, способов проверки утверждений и систематизации их в рамках теорий по определенным правилам. Парадигмы представлены классическими трудами и учебниками, на долгие годы определяют направления научного поиска. Примерами парадигм являются аристотелевская динамика, астрономия Птолемея, астрономия Коперника, механика Ньютона, теория тяготения Эйнштейна, квантовая механика Бора и др. Это, если говорить только о физических науках.

Отмечу еще одну важную отличительную особенность познания, где также могут своеобразно сочетаться логические, рациональные обоснования и утверждения, относящиеся к компетенции веры. Речь пойдет о решении вопросов, существенных для любой познавательной парадигмы, а именно о принимаемой онтологии. Онтологии повествуют о том, какие «онтические» объекты существуют, подчиняясь определенной логике. Сам термин «онтология» появился в начале XVII в. (ввел Р. Гоклениус), но специфическая проблематика и варианты решений доходят до нас из древней Эллады, поскольку уже ее «любители мудрости» различали и противопоставляли видимый мир открытых чувствам сущностей и умопостигаемый, скрытый мир подлинного бытия. От «стихий» Эмпедокла, «атомов» Демокрита, «апейрона» Анаксимандра, от упомянутых идеальных образов чисел и геометрических форм Платона, выше которых только идея Блага, от требования соотносить теорию с опытом и присутствию во вселенной Космического разума, о чем учил Аристотель, онтология протянулась через всю дальнейшую историю познания. За недостатком места и дефицитом печатных знаков не стану пересказывать философские словари, где представлена эволюция содержания понятия онтология⁵, тем более, что о научной онтологии, о том, какими сущностями оперирует, какие существования предполагает, какой логике их подчиняет современная наука, естествознание — немного уже говорилось.

Лучше перейти к гуманитарному познанию, к социальной онтологии, к онтологии «противоестественных наук», если еще раз вспомнить фи-

зика В.Л. Гинзбурга. Считаю не лишним подчеркнуть, что онтология — это, конечно, не сами реальные существования, связи и отношения, а их отображение в языке и преломление в голове познающего субъекта. Иногда, как мы знаем, весьма субъективного субъекта, подверженного различным внешним влияниям и деформациям, иногда же он выступает просто, как субъект фантазирующий. Ввиду того, что я, как автор предлагаемого текста, также могу оказаться в подобной роли, хочу признать свое сочинение не вполне научным и отступающим от строгих исследовательских канонов. Здесь весьма сложно последовать совету Ясперса «освободить себя от своего мира, чтобы найти мир вообще» и, прислушавшись к рекомендациям Канта, «взглянуть на себя глазами другого». Но продолжим о социальной онтологии.

Для начала отмечу, что меня и читателя гораздо сложнее, если вообще возможно, устранить в этом случае из процесса и результата познания не в последнюю очередь из-за сильно размытой онтологии. Неясно то, какие именно объекты мы называем существующими и какой логике они подчиняются. Приходится признать, что объекты существования в нашем понимании часто многосмысленны, а логика, которой они подчиняются, выглядит весьма противоречивой. Для доказательства можно привести примеры таких, подверженных субъективным истолкованиям, фрагментов онтологий, как человек и сознание⁶, или человечество и единое, общечеловеческое сознание, или групповые формы сознания, такие, какие мы приписываем обществу, народу, нации, социальному классу, государству, политической партии и иным объектам и сущностям, для которых не существует даже единого, общепринятого значения. Например, чтобы правильно употребить слово «народ», надо подумать о некоторых из его многочисленных значений. Чаше всего этот термин является в культовых политических обрядах власти, которая, как известно, служит не себе и сподвижникам, а интересам народа. Служит, творя законы, распределяя собственность и капитал во славу народного единства. Для народа всегда трудится интеллигенция, но уже для другого народа. Когда же будет написана Книга Бытия прошлого столетия, то авторам придется отмечать мировые и гражданские войны, а также частые, судьбоносные превращения народов в толпы. Какой народ любить?

Возьмем проблему человека и его сознания. Сегодня наука не в состоянии объяснить пока всю феноменологию сознания, в особенности, если к числу необъясненных феноменов сознания отнести экстрасенсорные факторы влияния и общения. Однако в наше время объединения и синтеза знаний, то, что связано с сознанием, стало во многом проясняться на стыках наук. Человека и сознание обязана исследовать и исследует любая наука, имеющая практические приложения — в технике, в экономике, в политике и везде, где играет роль «человеческий фактор». Что же касается человечества, то совсем не убежден в существовании такого объекта и такой сущности в том смысле, какой часто ему приписывается. То есть я не уверен в правильности толкования человечества как заверщенного «венца творения» или вершины, пика пирамиды Природы. Человечество — это пока еще проект с неясными перспективами. Оно уже изобрело добро

и зло, но сути их пока еще не постигло. Оно еще идея (конструктивная идея), универсалия, управляемая головным мозгом, разделенная на враждебные порой сегменты, которые не в состоянии соединить сегодняшний вариант глобализма. Огюст Конт в «Курсе положительной философии» утверждал, что надо человека определять через человечество, а не наоборот, но это означает только, что высшие умственные функции нельзя понять, если изучать отдельную, обособленную личность. Требуется изучать еще социологию и эволюцию вида.

Все, что связано с деятельностью человека и человечеством (объекты, структуры и отношения) с трудом поддается формализации, что, в частности, ограничивает возможности применения математики для анализа проблем и прогнозирования вероятного течения событий. В социальных процессах познание имеет дело с мотивированным поведением, а значит, зависящим от интересов и предпочтений групп и индивидуумов — поведением, не всегда и не во всем поддающимся рациональному объяснению. То же, что рационально необъяснимо, сложно отобразить в математической модели, построить на этот счет формальный алгоритм. Попытки такого рода случаются, но на сегодняшний день они по большей части мало впечатляют. Поэтому глубина анализа, эффективность рекомендаций и решений зависит, скажем, в случае политических вопросов главным образом от знаний, информированности, сообразительности и интуиции принимающих решения. Жаль, что вершина политической власти редко когда совпадает с вершиной политического ума.

Есть ли пределы мысли?

Я заговорил о рационально не объяснимом, об интуиции или о творческой составляющей в человеке и у меня появилось (мне явилось) желание вернуться к началу нашей беседы. В сущности, речь шла о неизбежном стремлении ума выбраться за собственные пределы. Ансельм призывал «веру, ищущую разумения» и приводил аргумент, названный Кантом онтологическим доказательством бытия Бога. Доказательство не взывало к авторитету Священного Писания, но обращалось к способности «разумения», предлагая считать Богом «то, больше чего нельзя ничего помыслить». Не стану описывать путь, по которому столетиями двигалась познание, направляясь от понятия в уме к существованию, но со стремлением «помыслить» возникали проблемы. И самое интересное в том, что вопросы как мыслить пределы мысли, есть ли предел у беспредельного — вовсе не простая игра праздных умов, а необходимая форма самовопрошания, самоиспытания мысли. Форма ее самопознания.

Но я бы пока завершил свое повествование о гуманитарной специфике познания. Познание подчинено общим законам эволюции, но имеет собственную специфику⁷. Постепенную эволюцию ускоряют порой революции в умах. Надлежит уяснить себе наше единое, человеческое, не теряя интереса к иным культурам, сохраняя особенное, на тебя не похожее. Полагаю, в этом заключается, в этом надо искать смысл возможной гуманитарной и гуманной мировой революционной

трансформации сознания. Путь не близкий. Можно начать его с продления жизни, с экологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Грин Б. «Элегантная Вселенная». Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. – М., 2008.

² Гинзбург В.Л. Об атеизме, религии и светском гуманизме. – М., 2008.

³ Фейнберг Е.Л. Кибернетика, логика, искусство. – М., 1988; Две культуры (интуиция и логика в искусстве и науке). – Фрязино: Век-2, 2004.

⁴ См. сб.: Платон – математик. – М., 2011.

⁵ По этой проблеме отсылаю к фундаментальному труду С. Неретиной и А. Огурцова «Пути к универсалиям». – Санкт-Петербург, 2006.

⁶ См. материалы семинара «Современные представления о человеческом сознании». Вып. 4. – М., 2012.

⁷ Эволюция познания замечательно представлена в антологии «Эволюционная эпистемология». – М.; СПб., 2012. Ее авторы – виднейшие специалисты в области логики, методологии и теории познания.

Аннотация

В статье речь идет о разуме и вере человека, о рациональных началах и о том, что выходит в область недоказанного и недоказуемого. Автор размышляет о разных путях поиска истины и о факторах, на поиск влияющих. Подчеркивается роль организаций в познании и неизбежное влияние политической власти. В статье познание понимается производящим смыслы и делается попытка отследить гуманитарную специфику этого процесса.

Ключевые слова: человек, познание, разум, вера, рациональность, организации, гуманитарность.

Summary

The article concerns human reason and faith, the principles of rationality and the sphere of the unproven and unprovable. The author reflects on the different ways to search for the truth and on the factors, which influence this search. He emphasizes the role of organisations in cognition and the unavoidable influence of political power. Understanding cognition as sense-making, he then tries to outline the humanitarian specifics of this process.

Keywords: human, cognition, reason, faith, rationality, organisation, humanities.